

УДК 821.162.1

Л. А. Мальцев

РОССИЯ И ВЫХОД ИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА: ИСТОРИОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА Н. А. БЕРДЯЕВА

89

На примере работ Бердяева «Новое средневековье», «Смысл истории», «Кризис искусства» раскрывается сущность эсхатологического сознания XX в. Установлено, что спецификой периода «нового средневековья» в европейской культуре стала поляризация сознания, проявляющаяся наиболее полно, по Бердяеву, в структуре русской души (апокалиптический и нигилистический тип), а также в крайне несхожих тенденциях современного искусства (синтетизм и аналитизм).

*Berdayev's works *The New Middle Ages, The Meaning of History, The Crisis of Art* help reveal the essence of the eschatological consciousness of the 20th century. The principal feature of New Middle Ages in European culture is proved to be the polarization of consciousness, which is most vividly manifested, according to Berdayev, in the structure of Russian soul (the apocalyptic and nihilistic type), as well as the divergent trends of contemporary art (synthetism and analytism).*

Ключевые слова: Бердяев, Россия, историософия, катастрофизм, эсхатологизм.

Key words: Berdayev, Russia, philosophy of history, catastrophism, eschatologism.

Книга Н. А. Бердяева «Смысл истории», изданная в 1923 г., опирается на идею цикличности истории, в русской мысли XIX в. обоснованную Данилевским, а в западноевропейском сознании XX в. Шпенглером. Но Бердяев не останавливается на фаталистических выводах Шпенглера, он разрабатывает собственную концепцию преодоления катастрофичности истории. Развивая его идеи, Бердяев намечает «пути выхода из мирового кризиса» [3, с. 221]. И этот путь есть не что иное, как «путь к иному миру», «трансцендентный выход» из «безвыходного круга истории», «прорыв истории в метаисторию», «допущение в замкнутый круг истории сил надисторических, т. е. нового ноуменального небесного события в земном и феноменальном...» [3, с. 193–194]¹.

¹ О связи идеи «трансцендентального», трансисторического выхода из истории с особой интерпретацией грехопадения Адама в книге Бердяева «О назначении человека» см. работу [6].

«Смысл истории» свидетельствует о выходе Бердяева за пределы катастрофистской концепции истории как таковой, разработанной в трудах Шпенглера, а позднее развитой в работах Тойнби, Хантингтона, Виткевича, и об утверждении нового эсхатологического типа сознания XX в. Катастрофистская историософия основывается прежде всего на «циклическом представлении о времени». По мнению А. Фьюта, «катастрофизм... провозглашает гибель только некоторых ценностей, а не ценностей вообще, уничтожение исторической формации, но не всего человечества; одна цивилизация уступает место следующей, гибнущая культура становится удобрением для новой культуры» [6, с. 177]. Эсхатологическая перспектива, наоборот, предполагает «линейную концепцию» [6, с. 180] истории, которая, как доказывает Бердяев в «Смысле истории», не должна быть отождествлена с просвещенческой теорией прогресса: эсхатологический тип сознания предполагает поляризацию движущих сил истории, их сосредоточение вокруг Христова или, наоборот, антихристового начала, а следовательно, ослабление цивилизационной «середины». В отличие от имманентно-исторического учения о прогрессе, эсхатологический вектор мысли Бердяева (обращение к Апокалипсису) является метаисторическим и трансисторическим: «Земная история должна вновь войти в небесную историю, должны исчезнуть грани, отделяющие мир посюсторонний от мира потустороннего, подобно тому, как не было этих граней в глубине прошлого, на заре мировой жизни... В конце истории не будет уже замкнутости мира сего, нашей земной действительности. Эон нашего мира стареет, как на перезревшем плоде лопнут оболочки, отделявшие его от миров иных» [3, с. 201].

В труде «Новое средневековье» (1924) Бердяев дает философско-исторический прогноз судеб России и Европы. Он разрабатывает концепцию, смысл которой сводится не к «консервации» духа прошлого, и тем более не к «реставрации» (возвращение утраченного), а к «ренессансу» Средневековья в его ценностных ориентирах, способных преодолеть программу катастрофического падения современной цивилизации. Философско-историческая концепция Бердяева многогранна и неоднозначна. С одной стороны, верные диагнозы (банкротство «секулярной» цивилизации с ее «маманизмом», необходимость лечения пороков современного общества посредством самоограничения — «путем нового аскетизма» [3, с. 238]). С другой — утопические предсказания (например, о процветании уже в ближайшем будущем крестьянства, об особой роли профсоюзов, наконец, о том, что якобы церковь перейдет от «храмового» к «космическому» периоду истории [3, с. 247]). Концептуальным моментом, сводящим воедино пророческие и утопические прогнозы, является тезис о неизбежной «религиозной борьбе, религиозной поляризации, выявлении предельных религиозных начал», о новой «эпохе обостренной борьбы религии Бога и религии дьявола, начал Христовых и начал антихристовых...» [3, с. 230]. В условиях «поляризации» духа особую роль Бердяев отводит России, русскому характе-

ру, формулу которого мыслитель вывел в работе «Духи русской революции» (1918): «Русский же — апокалиптик и нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» [1, с. 260]. Но апокалиптики и нигилизм, по Бердяеву, есть не только полюса «русскости», они могут быть и полюсами общеевропейского «новосредневекового» сознания.

Обращает на себя внимание художественная проекция философско-исторических прогнозов Бердяева. Так, историческую ситуацию России и мира на рубеже 1910-х и 1920-х гг. он описывает метафорически: «Открылись вулканические источники в исторической подпочве. Все заколебалось, и у нас получается впечатление интенсивного, особенно острого движения "исторического"» [3, с. 9]. Средневековье, и старое и «новое», по мыслителю, — это «ночная» эпоха, в которой стираются дневные очертания предметов и приоткрывается тайна бытия человека. Певцом и «вестником» ночи в русской и мировой классике, по Бердяеву, стал Тютчев, натурфилософской лирике которого мыслитель дает историософское толкование. Двустипшие из «Снов» Тютчева, приведенное у Бердяева рефреном («...И мы плывем, плавающей бездной / Со всех сторон окружены»), возможно, намекает на символический подтекст путешествия на борту корабля «Обербургомистр Хакен» («философского парохода»), когда позади осталась Россия, ввергнутая в революционный хаос, а впереди была Западная Европа в период между войнами, самыми разрушительными и кровавыми в истории Нового времени.

Бердяевская философия, как писал польский философ Мариан Здзеховский еще в 1916 г. (в очерке «Антиномии русской души (Бердяев)», соответствует мироощущению, выраженному, например, в поэме Юлиуша Словацкого «Беневский»: «И слова поэта, затертые сегодня с бездумностью попугая, без проникновения в их глубинное значение: «Я знаю, что Он не только Бог червей, не только Бог ползающих тварей. — Ему нравится шумный полет гигантских птиц. Он не обуздывает необъезженных коней», — слова эти были бы самым подходящим эпиграфом к апофеозу героизма, проникнутому верой в чудотворную силу избранников духа, к призыву к действию, каким было произведение Бердяева "Смысл творчества"» [7, с. 297–298]. Соединение шпенглеровского пессимизма и бердяевской философии творчества ведет, в представлении Здзеховского, к парадоксальному утверждению пессимизма как «творческой силы»: пессимист, по его мнению, — это далеко не всегда человек отчаявшийся, выбитый из колеи, не способный ничего предпринять. «Пессимизм, — приходит к выводу польский философ, — содержит элемент героической морали, которая приказывает бороться даже в том случае, если нет надежды на победу. Борющегося пессимиста никогда не покидает сознание жестких, суровых реалий, и это сознание не затрудняет, а скорее облегчает борьбу, предостерегая от непродуманных действий» [7, с. 471].

«Метафизическое беспокойство» Бердяева вызвал большевизм: «В русском большевизме есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего» [3, с. 230]; «Самым опасным в русской ре-

волюции я считаю объявление войны Богу. Уничтожая идею Бога, тем самым уничтожают идею человека как существа, несущего в себе образ и подобие Божье» [7, с. 446]. Точно так же, как и Бердяев, «расшифровывал» смысл исторической ситуации Здеховский.

Оппозицию богоборческому большевизму Здеховский видел в обществе верующих — *civitas Dei*, «немногих избранных», живущих по божественным заповедям. И в этой борьбе церкви с богоборческим большевизмом Бердяев и Здеховский одинаково видели шанс межнационального и межконфессионального примирения — русско-польского и православно-католического. «В великом славянском мире, — утверждал Бердяев, — должны быть и русская стихия и стихия польская». И при этом непоколебимыми, с его точки зрения, должны стать ориентиры взаимной терпимости, потому что «русская душа останется православной по своему основному душевному типу, как польская душа останется католической» [2, с. 163].

Смысл концепции «нового средневековья» заключается в том, что для Бердяева христианские ценности являются оплотом духовности человека, оказавшейся под угрозой в результате «катастрофического прогресса» (В.Ф. Эрн) XX в. Философ говорит о трагических событиях 1914—1918 гг. как симптомах «глубокого потрясения и расчленения форм человека, гибели целостного человеческого образа» [4, т. 1, с. 396]. Достоевский, которого Бердяев считал величайшим христианским писателем, предчувствовал антигуманистическую угрозу засилья «бесов», видел в ней следствие ущербности секуляризированного гуманизма и искал выход в обновленном христианском гуманизме. Находя идейную опору в Достоевском, философ пишет об «исступленном чувстве личности» великого писателя, о его мирозерцании, «проникнутом персонализмом» [4, т. 2, с. 36].

Философско-критический труд Бердяева «Мирозерцание Достоевского» совмещает представления о «дионисическом художестве» [4, т. 2, с. 30], «дионисическом экстазе» [Там же, с. 42] Достоевского с тезисом о сохранении у него «образа человека, лика человека» [Там же, с. 43]: если следствием «дионисического экстаза» является необратимый распад человека, то Достоевский, по Бердяеву, — уникальный пример «дионисической» диалектики смерти и воскресения личности.

Мысль о «дионисической» природе гения Достоевского Бердяев соотносит с видением русского национального характера в его «анархической» составляющей: русскому человеку присуща «незначительная формальная одаренность», более того, «вражда к форме, к формальному началу в праве, государстве, нравственности» [Там же, с. 13—14]. Проблема кризиса гуманизма, полагает философ, находит наиболее сильный отзвук в русском сознании с его отрицанием «меры» классической культуры и «середины» современной цивилизации, с выходом за пределы западных парадигм и устремленностью к «положительному» апокалиптическому либо к «отрицательному» нигилистическому полюсам.

Тезис о «незначительной формальной одаренности» и об экзистенциальном «распылении» русского человека находит у Бердяева «ландшафтные» соответствия: «На лице русской земли нет резко очерченных

форм, нет границ. Нет в строении русской земли многообразной сложности гор и долин, нет пределов, сообщающих форму каждой части. Русская стихия разлита по равнине». Соответственно, и русская душа «не может жить в границах и формах, в дифференциациях культуры», она «не превращена в крепость, как душа европейского человека, не заброшена религиозной и культурной дисциплиной» [4, т. 2, с. 105–106].

Эстетическим аспектам эсхатологического мировоззрения Бердяева в конце Первой мировой войны посвящена работа «Кризис искусства» (1918), в которой идет речь о диаметрально противоположных эстетических тенденциях начала века: синтетической и аналитической, вероятно, соответствующих двум полюсам души русского человека — апокалиптическому и нигилистическому. Как полагает философ, синтетическая тенденция заключается в тоске современного человека «по органичности, по синтезу, по религиозному центру, по мистерии» [Там же, с. 401]. Аналитическая же — обнаруживает обратный процесс «дематериализации, развоплощению» искусства [Там же, с. 404], когда «пошатнулось целостное восприятие образа человека, когда человек проходит через расщепление» [Там же, с. 411]. Так как классическое искусство уже никогда не вернется в прежние границы и аналитическая тенденция чревата катастрофическими последствиями («...человек с расплывленным ядром «я», разорванный на миги и клочья, не может создать сильного и великого искусства» [Там же, с. 412]), Бердяев, несомненно, отдаст приоритет синтетизму. Он считает, что даже в удручающих обстоятельствах отечественной культуре свойственны поиски лада, гармонии, всеединства бытия, поэтому выражает веру в то, что на путях синтетического опыта произойдет возрождение искусства.

Идея эстетического синтетизма корреспондирует в работах Бердяева с его видением исторических перспектив «нового средневековья» как органического сращения средневекового традиционализма с гуманизмом Нового времени. В целом его пореволюционное творчество оказывается манифестом надежды мыслителя, недавно оказавшегося в эмиграции, для которого события в России и в мире, казалось, не давали особого повода для оптимизма.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Души русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250–289.
2. Бердяев Н.А. Русская и польская душа // Польская и русская душа. От Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Варшава, 2003. С. 152–158.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М., 1994.
5. Мальцев Л.А. Повесть Е. Анджеевского «Врата рая» и русский экзистенциализм: проблема грехопадения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2009. №3. С. 22–27.

6. *Fiut A. W obliczu końca świata // Poznawanie Miłosza. Kraków, 1985. С. 174–188.*
7. *Zdziechowski M. Wybór pism. Kraków, 1993.*

Об авторе

Леонид Алексеевич Мальцев, д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: lamaltsev23@mail.ru

About author

Prof. Leonid Maltsev, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: lamaltsev23@mail.ru